

Лобовиков В.О. Проблема гомогенности античной греческой и римской философии права: Дигесты Юстиниана и гексагон Бланше // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 24–42.

УДК: 340.1(091):16:11:1(091)

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.2442

ПРОБЛЕМА ГОМОГЕННОСТИ АНТИЧНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА И ГЕКСАГОН БЛАНШЕ

Владимир Олегович Лобовиков

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник отдела права

Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vlobovikov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8760-0452

Материал поступил в редколлегию 05.05.2017 г.

Предмет этой статьи – запутанная проблема гомогенности древней греческой и римской философии права как системы. Мнение, что обсуждаемая так называемая система есть неоднородная смесь, составленная из качественно различных компонентов, созданных в разные времена разными философами и юристами, является очень крепким и популярным. Очень часто утверждается, что в системе римского права существует концептуальная оппозиция (формально-логическое противоречие) между тремя основными формами права, а именно между обычным правом, естественным правом и правом, преднамеренно установленным людьми. Цель настоящей статьи – детальная разработка некоего прямо противоположного мнения, что в сущности своей древнегреческая и древнеримская философия права является гомогенной (внутренне согласованной) системой. Для обоснования такой, необычной, точки зрения автор применяет методы аналитической философии права. Кроме того, используются методы символической логики и графического моделирования логических взаимосвязей понятий.

С помощью этих методов впервые в мировой научной литературе по древней философии права логические взаимоотношения между тремя вышеупомянутыми значениями слова «право» графически моделируются логическим квадратом и гексагоном, которому Бланше придал статус универсальной схемы организационного знания. Хорошо известные логический квадрат и гексагон Калиновского, предназначенные для графического моделирования логических взаимосвязей между деонтическими модальностями «обязательно», «запрещено», «разрешено», «безразлично», дополняются в этой статье качественно новой, философско-правовой, интерпретацией схемы, именуемой логическим квадратом и гексагоном Бланше. Научным результатом этой статьи является оригинальная организация логических

взаимосвязей между нестандартными модальностями юриспруденции, представленными следующими предложениями: «это закон природы, что р»; «это обычай, что р»; «это позитивный закон (преднамеренно созданный людьми), что р», где р обозначает некое высказывание, описывающее некое положение дел. Обосновывается, что отношение между «это закон природы, что р» и «это обычай, что р» является отношением логической контрарности. Статья демонстрирует, что в предложенной, совершенно новой, философско-правовой интерпретации общеизвестной схемы (логического квадрата и гексагона) все относящиеся к делу логические правила имеют законную силу.

Ключевые слова: римское право; Дигесты Юстиниана; Ульпиан; естественное право; обычное право; позитивное право; гексагон Бланше.

Многочисленные авторы Дигест (или Пандектов) Юстиниана жили в разное время, имели разные специализации в праве как таковом и разные ориентации в философии права. По инициативе императора Юстиниана для эффективной передачи накопленного римскими юристами богатого опыта и обеспечения единообразия юридической практики, а также для выработки единой теории права был создан некий канон: все самые ценные результаты деятельности юристов Римской империи были собраны и «свалены в одну кучу» для последующей систематизации. Таковая действительно осуществлялась. Однако «научным редактированием» император Юстиниан как «руководитель проекта» себя не утруждал, делегировав редакторские полномочия своим многочисленным подчиненным, имевшим различные взгляды. В ходе дальнейшего исторического развития неоднократные переиздания («переписывания») канона и его многочисленные переводы на другие языки также всякий раз сопровождалось его «творческим редактированием». В данном случае вполне естественно ожидать, что дошедшие до нас Дигесты суть колоссальное нагромождение плохо согласующихся друг с другом и в некоторых случаях даже логически несовместимых положений. Кажется очевидным, что, будучи неким привнесенным извне искусственным объединением различных форм римского права и этапов его развития, Дигесты качественно неоднородны. И эта их неоднородность неустранима: она неизбежно вела и ведет к юридическим коллизиям и по сей день (как следствие «рецепции» римского права) множит логические противоречия как в теории, так и на практике. Это именно та проблема логической непротиворечивости и гомогенности системы римского права, о которой пойдет речь в настоящей работе. В данной статье от филологического аспекта проблемы мы отвлекаемся, сосредоточив все свое внимание на ее собственно логическом аспекте. Действительно ли представленный в Пандектах Юстиниана грандиозный синтез качественно различных юридических концепций логически противоречив? Или же он только кажется таковым? Да и возможно ли в принципе построение вполне логичной системы из столь разнородных элементов? Попробуем разобраться.

1. Проблема логической непротиворечивости Дигест Юстиниана и логический гексагон концептуальной оппозиции Робера Бланше.

Руководствуясь методологией *аналитической философии права*¹, начнем с изучения относящихся к делу фрагментов текста Дигест. Естественный язык, на котором написано это грандиозное произведение, как известно, не отличается однозначностью слов и словосочетаний; в нем много омонимов; в частности, даже слово «право» в Дигестах имеет не одно значение, что древние юристы прекрасно осознавали. Например, древнеримский юрист Павел обращал внимание на то, что «слово “право” употребляется в нескольких смыслах...» (Дигесты Юстиниана 1984: 25). Древнеримский юрист Модестин указывал в Дигестах: «Итак, всякое право сотворено соглашением, или установлено необходимостью, или закреплено обычаем» (Дигесты Юстиниана 1984: 34). А вот что писал о естественном праве, установленном *необходимостью*, Цицерон: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное ... <...> и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем. <...> ... на все народы и в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон...» (Цицерон 1966: 33). Такая античная концепция естественного права как *права природы*, установленного всеобщей естественной *необходимостью*, унаследованная римлянами от древних греков², может быть адекватно представлена на языке современной символической логики с помощью алетической модальности «необходимо, что *p*», традиционно обозначаемой символом $\Box p$, где *p* – некое (истинное или ложное) высказывание. Итак, на уровне искусственного языка модели естественное право как *закон природы*, то есть естественная *необходимость*, адекватно выражается логической формой $\Box p$.

Второе из указанных Модестином значений, вкладываемых в слово «право», – это *обычай*, исторически сформировавшийся «сам собой» (непреднамеренно, спонтанно) и претерпевающий постепенные исторические изменения³. (Изменения эти происходят тоже «сами собой», непреднамеренно, спонтанно.) Обычай не есть нечто алетически необходимое. Необычное поведение алетически возможно, но, как правило, так себя не ведут⁴. Поэтому если это именно обычай (обычное право), что *p*, то $\neg \Box p$, где символ \neg обозначает логическую операцию «отрицание». Договоримся далее в статье выражение «это *обычай (обычное право)*, что *p*» обозначать составным символом **Custom-Law-p** (или **Habit-Law-p**), а выражение «это

¹ Аналитическая философия права, обращающая особое внимание на анализ особенностей юридического языка (и правовых актов вообще) хорошо представлена в работах (Альчуррон, Булыгин 2013); (Бентам 1998); (Дидикин 2014а; 2016); (Дидикин, Оглезнев 2012); (Оглезнев, Суровцев 2016); (Кельзен 2015); (Финнис 2012); (Фуллер 2007); (Харт 2007; 2017); (Austin 1995); (Kelsen 1945; 1959; 1974; 1991; 1992).

² Наиболее репрезентативны в этом отношении Аристотель (1983) и Платон (2016).

³ В свою очередь, Фома Аквинский писал об обычном праве: «... custom has the force of law, abolishes law, and is the interpreter of law» (Aquinas 1994: 237).

⁴ Кроме Модестина об обычае как одной из трех основных форм права писали в Дигестах Юлиан, Ульпиан, Гермогениан, Павел, Каллистрат (Дигесты Юстиниана 1984: 33-34).

естественное право (закон природы), что **p**» – составным символом **Nature-Law-p**. Поскольку из **Custom-Law-p** следует, что $\neg p$, постольку **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** не могут быть одновременно истинны¹.

Теперь обратимся к третьему из упоминаемых Модестиним значений слова «право». Согласно приведенной выше цитате в качестве такового выступает у Модестина «соглашение (между людьми)». Однако, судя по контексту, имеется в виду не только соглашение, но и любое право, вполне осознанно (преднамеренно) *созданное* сувереном-человеком или уполномоченной на то группой людей. Это право устно или письменно выражено в человеческом языке и может быть отменено сувереном-человеком или уполномоченной на то группой людей. Оно в каком-то смысле *случайно*, локально (не-повсеместно) и временно (не-вечно), может произвольно изменяться по вполне осознанному решению суверена (суверена-индивида или коллективного суверена, представляющего собой группу людей). Соглашение – репрезентативный конкретный пример (важная разновидность) такого (*человеческого*) права и именно поэтому Модестин его упомянул, но возможен и другой конкретный пример данного права, автором которого выступает или некий отдельный человек (обладающий суверенитетом)², или *человеческий* коллектив (имеющий соответствующий статус)³. Суверен (индивид или коллектив – неважно) «изучает обстановку, принимает решение и отдает *приказ* (команду)» (причем «приказы не обсуждают, а исполняют»). Решение, принятое уполномоченным на то лицом, и приказ (команда), отданный на основании этого решения, тоже есть форма права, установленно-го человеком. Особенно ярко и демонстративно *командная* разновидность *человеческого* права, то есть права, *преднамеренно установленного человеком* (людьми), представлена в позитивистской философии права Джона Остина (Austin 1995). В Дигестах Юстиниана эта разновидность *человеческого* права (*решение*, вынесенное уполномоченным на то человеком) упоминается древнеримским юристом Павлом: «Говорится, что претор высказывает право (выносит решение)...» (Дигесты Юстиниана 1984: 25).

Назовем право, представляющее собой решение и команду (приказ) человека или *соглашение* людей, *позитивным* или алетически случайным правом, *преднамеренно созданным человеком*⁴, и обозначим

¹ Фома Аквинский писал: «...the natural law is not a habit» (Aquinas 1994: 221). Святой Фома придавал привычке (обычаю) вообще и обычному праву в особенности очень большое значение; он посвятил этой теме специальный трактат “Treatise of Habits” (Aquinas 1994: 1-204).

² «То, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ ... предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь» (Дигесты Юстиниана 1984: 32).

³ Ульпиан в Дигестах утверждает: «Нет сомнения, что сенат может творить право» (Дигесты Юстиниана 1984: 32).

⁴ Именно так («человеческим правом» или «правом, установленным людьми») этот вид права и называл св. Фома (Аквинский 2012; Aquinas 1928; 1994). В его трактате “Treatise of Law” есть специальный раздел “On Human Law” (Aquinas 1994: 226-237). В особенности интересен его «Вопрос 95. О человеческом законе» (Аквинский 1994: 335). Святой Фома противопоставлял «eternal general determinations» (=natural laws) и «temporal particular determinations devised by human reason» (=human laws)

его составным символом **Human-made-Law-p** (или **Positive-Law-p**). Если имеет место **Human-made-Law-p**, то неверно, что **Nature-Law-p**, и неверно, что **Custom-Law-p**. Поскольку может быть так, что имеет место **Human-made-Law-p**, постольку **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** могут быть одновременно ложными. Однако выше уже отмечалось, что **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** не могут быть одновременно истинными. Следовательно, **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** находятся в отношении *контрарности*. По нашему мнению, для философии, методологии и логики права это положение является очень важным.

Общим для **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** является то, что и в первом, и во втором случае неверно, что имеет место **Human-made-Law-p**. Поэтому на основании вышесказанного, используя логические символы \neg (отрицание), $\&$ (конъюнкция), \square (модальность «необходимо») и \leftrightarrow (эквивалентность), можно точно сформулировать и принять следующие дефиниции.

Определение DF-1: **Nature-Law-p** \leftrightarrow (\neg **Human-made-Law-p**) $\&$ \square p).

Определение DF-2: **Custom-Law-p** \leftrightarrow (\neg **Human-made-Law-p**) $\&$ \neg \square p).

Если истинно **Human-made-Law-p**, то ложно **Nature-Law-p** и ложно **Custom-Law-p**. Поэтому если в древнеримском праве, кроме вышеупомянутых Модестином трех основных форм права, больше никаких основных форм права нет (то есть представленный Модестином перечень основных значений слова «право» полон), то можно принять также следующую дефиницию.

Определение DF-3: **Human-made-Law-p** \leftrightarrow (\neg **Nature-Law-p**) $\&$ \neg **Custom-Law-p**).

Логическое следствие¹ из DF-3: (\neg **Human-made-Law-p**) \leftrightarrow (**Nature-Law-p**) \vee **Custom-Law-p**). (Здесь символ \vee обозначает бинарную логическую операцию «слабая (неисключающая) дизъюнкция».)

Если сформулированные выше дефиниции принимаются, то логические взаимоотношения между обсуждаемыми тремя основными формами права **Nature-Law-p**, **Custom-Law-p**, **Human-made-Law-p**, упоминаемыми Модестином в Дигестах Юстиниана, могут быть графически представлены (промоделированы) с помощью логического квадрата и (включающего его в себя) гексагона (рис. 1)².

(Aquinas 1994: 209-210). Он писал: «...particular determinations devised by human reason, are called human laws» (Aquinas 1994: 210). Кроме того, он полагал, что, в отличие от необходимых законов естественного права, человеческие законы *случайны* (contingent) (Aquinas 1994: 210).

¹ В данной статье подразумевается, что используемая нами логика является классической.

² Идея о том, что (логический) гексагон – универсальная форма логической организации различных по содержанию понятийных систем, была впервые высказана и успешно развивалась в середине XX в. Робером Бланше (Blanché 1957; 1966) и Августинем Сесма (Sesmat 1950–1951). В конце XX и начале XXI в. прогрессивное развитие этой плодотворной идеи привело к возникновению целого научного направления, представленного в работах (Béziau 2003; 2012a; 2012b); (Béziau, Payette 2012); (Béziau, Read 2014); (Kalinowski 1972); (Lobovikov 2016); (Moretti 2009; 2012) и др. Возникло большое и постоянно пополняющееся множество нетрадиционных (неквантификационных) интерпретаций логического квадрата и включающего его в себя гексагона (некоторые авторы называют его гексагоном Бланше).

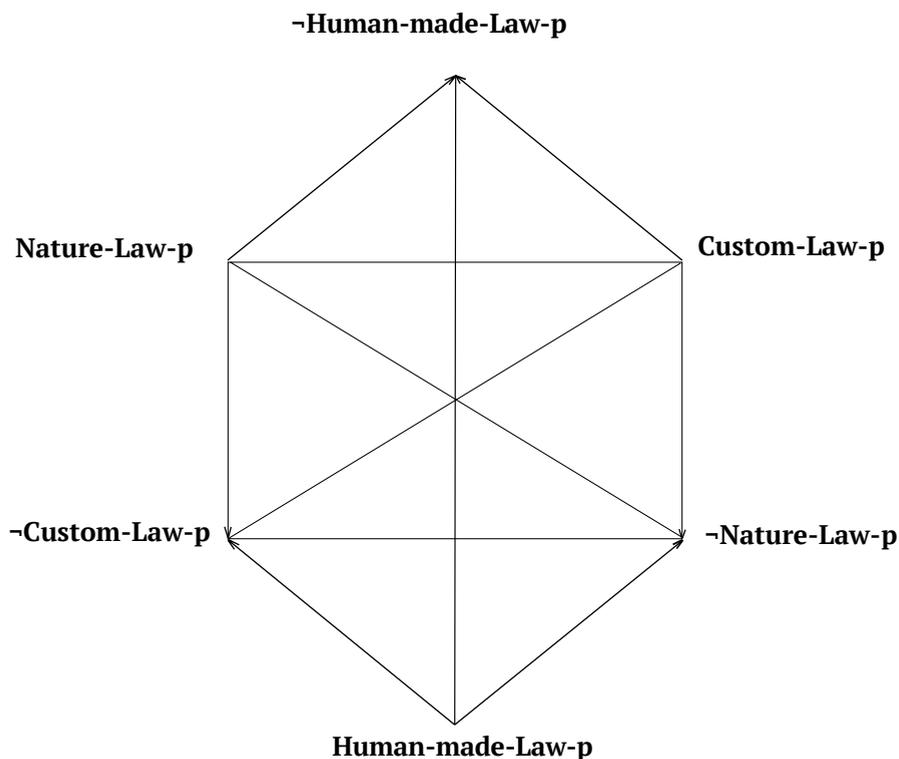

Рис. 1. Квадрат и гексагон оппозиции значений слова «право» в Дигестах Юстиниана

На этом рисунке отношения логического противоречия (контрадикторности) графически моделируются линиями, пересекающими квадрат (гексагон), отношения подчинения (логического следования) – стрелками. Отношение контрарности графически представлено верхней горизонтальной линией квадрата, отношение субконтрарности – нижней горизонтальной линией квадрата.

Предложенная выше система дефиниций и рис. 1 позволяют повсему взглянуть на некоторые сложные и остро дискуссионные логико-философские проблемы как общей теории права в целом, так и древнеримского этапа ее истории. Дело в том, что согласно рис. 1 и сформулированным выше определениям общая теория права древних римлян, несмотря на вполне осознававшуюся римскими юристами многозначность слова «право», представляет собой целостностную, логически непротиворечивую систему достаточно ясных и четких понятий.

Впрочем, для объективности необходимо отметить что, строго говоря, это ощущение ясности используемых в Дигестах абстрактно-всеобщих понятий теории права и впечатление о логической непротиворечивости

древнеримского права как системы возникают лишь на уровне однозначного *искусственного* языка обсуждаемой модели. Если же обратиться к *естественному* языку Дигест, то может сложиться (и в истории часто действительно наблюдалась, да и до сих пор нередко имеет место) прямо противоположная оценка ситуации: стройной системы нет; беспорядочно «сваленные в одну кучу» качественно *разнородные* компоненты, именуемые одним и тем же словом «право», логически противоречат друг другу. Чтобы подкрепить сказанное ярким конкретным примером, стратегически значимым для философской теории права, проанализируем приведенные ниже, на наш взгляд, чрезвычайно важные цитаты.

Согласно Дигестам (или Пандектам) Юстиниана один из нескольких величайших юристов Римской империи, Ульпиан, утверждал: «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово “право” (*ius*). Право получило свое название от “правосудия” (*iustitia*), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого <...> Частное право делится на три части, ибо оно составляется или из естественных предписаний, или (из предписаний) народов, или (из предписаний) гражданских. Естественное право (*ius naturale*) – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права. Право народов (*ius gentium*) – это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой» (Дигесты Юстиниана 1984: 23).

Другой выдающийся юрист древней Римской империи, Павел, утверждал: «Слово “право” употребляется в нескольких смыслах: во-первых, “право” означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право. В другом смысле “право” – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве – каково гражданское право. Не менее правильно в нашем государстве “правом” называется “*ius honorarium*”. Говорится, что претор высказывает право (выносит решение), даже если он решает несправедливо; это (слово) относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что ему надлежало сделать» (Дигесты Юстиниана 1984: 25).

Из приведенного определения Ульпиана (ссылающегося, в свою очередь, на Цельса) и из дефиниции, данной Павлом, следует, что (Def-1) право «всегда является *справедливым* и добрым». Но из процитированного выше фрагмента Дигест, написанного тем же Павлом, следует также, что (Def-2) право иногда является *несправедливым*; иногда (в некоторых случаях) оно представляет собой не добро, а зло, но при этом оно не перестает быть правом. Приказ совершить злодеяние есть приказ: его неисполнение влечет наказание. История человечества подтверждает это массой конкретных

примеров (нередко трагических). Руководствуясь *классической* логикой, нетрудно заметить, что конъюнкция Def-1 и Def-2 логически противоречива. Это логическое противоречие совершенно очевидно и обсуждается уже очень давно: накопилась обширная литература на этот счет. Однако заметного прогресса в разрешении данного логического противоречия, на наш взгляд, к сожалению, нет. Предложенное юридическим позитивизмом простое и для некоторых целей вполне эффективное, но, вообще говоря, чрезмерно *грубое* решение проблемы с помощью категорического запрета использовать слово «право» в том значении, которое было определено Ульпианом и Павлом, очень напоминает разрубание гордиева узла мечом в связи с неспособностью его развязать.

В настоящей статье предпринимается попытка именно «развязать узел» обсуждаемой логико-лингвистической проблемы юриспруденции (а не «разрубать» его на две части – на мораль и право – «мечом» юридического позитивизма). Широко распространенный экстремистский подход сторонников естественного права к указанному логическому противоречию, по нашему мнению, также неудовлетворителен, чрезмерно груб, алогичен. Имеются в виду их лозунг «несправедливый закон не является законом вообще», его следствие «невыполнение несправедливого закона не есть преступление (закона)» и практическая рекомендация (императив) «воздерживайтесь от исполнения несправедливых законов (плохих приказов), так как, исполняя их, вы творите несправедливость, злодеяние». В своей борьбе с юридическим позитивизмом радикально настроенные приверженцы аксиологической версии юридического натурализма также впадают в логико-лингвистическую крайность: они запрещают использовать слова «право», «закон» по отношению к несправедливым правовым актам. По мнению тех очень наивных (или имеющих скрытые криминальные склонности) теоретиков права, которые провозглашают лозунг “*lex injusta non est lex*”, его принятие разрешает обсуждаемое противоречие. Однако это не так, а совсем наоборот: *если все слова в этом лозунге используются в одном и том же значении*, то этот лозунг – явный абсурд (логическое противоречие), а из противоречия, как известно, логически следует все, что угодно, то есть произвол¹. А это – «паралич» (или «взрыв») всей системы права!

С точки зрения логики и теории множеств несправедливый закон есть разновидность закона; множество несправедливых (плохих) законов есть подмножество множества законов-вообще. В этом отношении представители юридического позитивизма (Харт 2007; Austin 1995) и «чистого» нормативизма (Кельзен 2015; Kelsen 1945; 1959; 1974; 1991; 1992; Альчуррон, Булыгин 2013) совершенно правы. Поэтому все, кто легкомысленно

¹ В данной статье все рассуждения ведутся в рамках классической логики. От существования релевантных и паранепротиворечивых логик мы здесь абстрагируемся. В упомянутых неклассических логиках, вообще говоря, нет логического следования произвольного утверждения из логического противоречия. Но, к сожалению, изучение релевантных и паранепротиворечивых логик не предусмотрено отечественными учебными планами и программами профессионального юридического образования.

руководствуется шокирующе иррациональным (явно алогичным) лозунгом “*lex injusta non est lex*”, тем самым тоже «разрубают гордиев узел», вместо того чтобы аккуратно «развязать» его. Но при этом желанного эффекта нет: логическое противоречие остается. Более того, оно становится еще и более очевидным: «лежит прямо на поверхности», косвенно провоцируя и оправдывая произвол и преступность (нарушение законности). Что же в таком случае делать? По нашему мнению, последовательно руководствуясь методологией *аналитической* философии права, необходимо тщательно изучить сложившуюся в ходе истории запутанную логико-лингвистическую ситуацию, внимательно проанализировать практику словоупотребления, выявить едва уловимые, но важные различия в значениях используемых слов и словосочетаний, дисциплинированно (логически последовательно) проводить установленные концептуально важные различия значений на протяжении всего дискурса.

Достаточно тщательный и внимательный логический анализ естественного языка обсуждаемого аспекта юриспруденции дает возможность увидеть «свет в конце туннеля» – выход из логико-лингвистического тупика. В этой связи целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание на то, что, руководствуясь методологией *аналитической* философии права, А.Б. Дидикин совершенно справедливо утверждает в своей монографии следующее: «...в вопросах трактовки соотношений понятий права и закона возможны разночтения из-за особенностей перевода. Представители командной модели говорят о законе скорее как о *lex*, чем о *ius*, оба термина можно перевести как закон, но есть различия. *Lex* отражает его понимание как свод законов, систему законодательных актов. Различие между *lex* и *ius* можно проинтерпретировать как различие между законом и справедливостью. Фома Аквинский отмечает это едва уловимое различие. В “Сумме теологии” он утверждал, что *ius* – это объективное упорядочивание социальных отношений между членами общества. *Ius* относится к порядку, задуманному в целом, а *lex* является образом этого порядка и относится к заповедям и постановлениям. *Lex* является продуктом законодательства разумных существ и выражает правовые и моральные аспекты определенных общественных отношений. В конечном итоге можно заключить в свете классической традиции, что *lex* создан, а *ius* как всеобщий принцип справедливости дан свыше» (Дидикин 2016: 19).

Мнение Дидикина является, на наш взгляд, вполне обоснованным: оно базируется на знании лингвистики и истории философии права. В лингвистическом отношении здесь уместно привести следующую цитату на английском языке¹ из уважаемого американского толкового юридического словаря:

«**Lex.** <...> In Roman law, a law; the law. This term was often used as a synonym of *jus*, in the sense of a rule of civil conduct authoritatively prescribed for the government of the actions of the members of an organized jural society.

¹Цитирование на языке оригинала оправдано стремлением избежать умножения неточностей в процессе перевода, так как лингвистические нюансы для нас в данном случае очень важны.

Lex is used in a purely juridical sense, law, and not also right; while *jus* has an ethical as well as juridical meaning, not only law, but right. *Lex* is usually concrete, while *jus* is abstract. In English we have no term which combines the legal and ethical meanings, as do *jus* and its French equivalent *droit*. <...>

A rule of law which magistrates and people had agreed upon by means of a solemn declaration of consensus. <...>

Other meanings of the word in Roman jurisprudence were the follows. Positive law, as an opposite to the natural» (Black 1990: 907-908).

Последнее из упомянутых в этой цитате значений слова *lex* для нас в настоящей статье особенно важно, поэтому *lex* в данной работе используется именно в указанном значении. Слово *jus* в естественном языке тоже неоднозначно, но нами оно будет использоваться в значении *jus naturale*. Итак, согласно авторитетному американскому юридическому толковому словарю слова *lex* и *jus* имеют не одно значение, а несколько. Есть значения, в которых они – синонимы, но есть и такие значения, в которых они существенно различны и даже (что для нас здесь особенно важно) прямо противоположны. Поэтому примем тезис о существовании принципиально важного различия (и в некотором отношении даже противоположности) между *lex* и *ius* в качестве презумпции¹. Что это дает? Это позволяет осуществить *научное редактирование* (исправление смысловой ошибки) пресловутого лозунга “*lex injusta non est lex*”. В данной статье предлагается следующий результат научного редактирования: “*lex injusta non est ius (naturale)*”. Вполне приемлемо также и обратное утверждение: “*ius (naturale) non est lex injusta*”. В предложении “*lex injusta non est ius naturale*” логического противоречия уже нет, так как *lex* (human-made positive law) и *ius* (naturale) обозначают отнюдь не одно и то же. А если в результате перевода совершенно верного утверждения “*lex injusta non est ius naturale*” получается предложение «несправедливый закон не есть закон», то это – недопустимая неточность перевода.

Упомянутый Дидикиным св. Фома – великий католический теолог, философ, моралист и теоретик права – систематически обсуждал не только *lex* и *ius* но еще и *usus* (*consuetudo*). Если детально исследовать логические взаимоотношения между *lex* (positive human-made law), *jus-naturale* и *usus*, *consuetudo*, (*jus-consuetudinis*) у Фомы Аквинского, то нетрудно прийти к выводу, что гексагон, представленный на рис. 1, можно легко преобразовать в гексагон, изображенный на рис. 2. Это неудивительно, ибо отличавшийся логичностью, точностью, ясностью и глубиной суждений Ангельский доктор был хорошо знаком с трудами Платона, Аристотеля, Августина и великих древнеримских юристов.

Итак, порождаемые общеизвестным несовершенством (в особенности многозначностью) естественного языка иллюзии логической противоречивости античной философии права действительно существуют, но, в принципе, с ними можно успешно справиться, используя современную *аналитическую философию права*.

¹ Об аналогии, то есть сходстве и различии, между значениями слов «*jus*» и «*lex*» см.: (Дворецкий 2006: 433, 449; Дидикин 2016: 18-19, 157; Aquinas 1994; Black 1990).

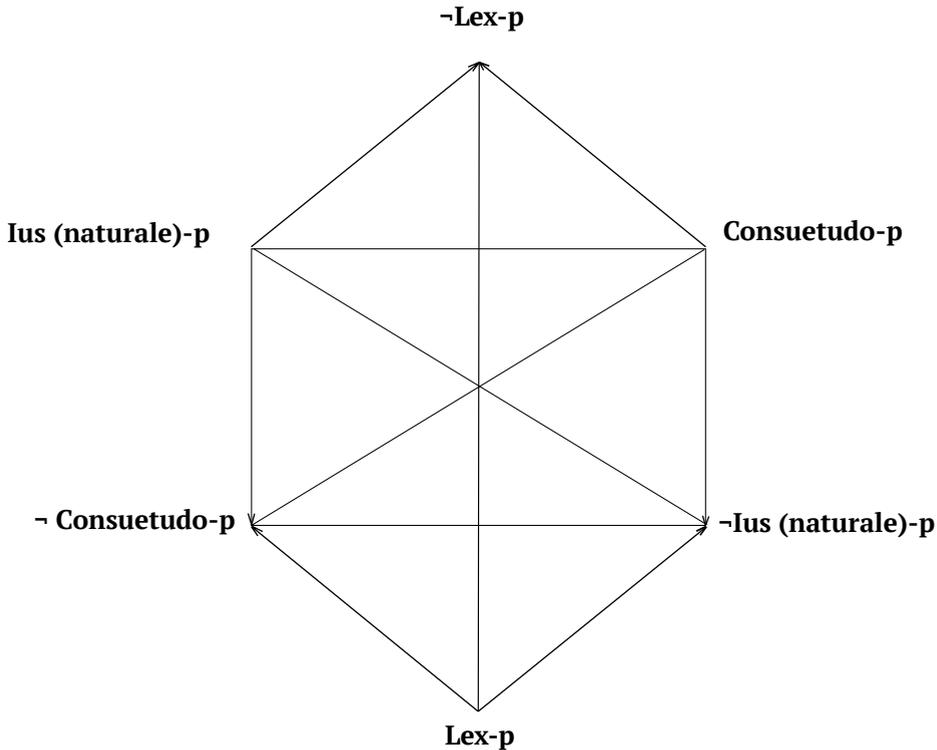

Рис.2. Логический гексагон концептуальной оппозиции *lex*, *ius (naturale)* и *ius consuetudinis* в античной юриспруденции

2. Обоснование однородности предмета античной (греко-римской) доктрины естественного права. В данном разделе представлен формальный дедуктивный вывод логической эквивалентности необходимого бытия и необходимо всеобщего блага в аксиоматической системе эпистемологии из допущения априорности знания.

Судя по приведенным выше цитатам из Дигест, Ульпиан и Павел считали предметом естественного права всеобщее благо (добро) и справедливость. Согласно дефинициям Ульпиана и Павла «хорошо (добро)» и «плохо (зло)» суть *собственно юридические понятия*. Значит, *собственно юридические понятия* могут быть *оценочными*; юридическая *аксиология* – необходимая подсистема системы права. Юридические позитивисты (Austin 1995; Харт 2007) и сторонники *чистого нормативизма* в праве (Кельзен 2015; Kelsen 1945; 1959; 1974; 1991; 1992; Альчуррон, Булыгин 2013) с этим не согласны и активно полемизируют, но эта проблема в данном разделе настоящей статьи не обсуждается. Принимается абстракция от дискуссии между юридическими позитивистами, сторонниками чистого нормативизма и представителями *аксиологической* (ценностной) версии естественно-правовой доктрины (систематически оперирующими *оценочными* категориями «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло») (Аквинский 2012; Аристотель 1983; Ваттель 1960; Гроций

1956; Платон 2016; Финнис 2012; Finnis 1991; Aquinas 1928; 1994; Connor 1967; Entreves 1951; Lobovikov 2014; 2015a; 2015b). Нас в настоящем разделе статьи интересует: как согласовать друг с другом, не впадая в логическое противоречие, следующие два тезиса (А и Б), необходимо встречающиеся в упомянутой естественно-правовой доктрине как целостной системе¹.

Тезис А: *предмет теории естественного права – необходимо всеобщее благо*, то есть не просто добро (хорошее) для кого-то, могущее не быть добром (хорошим) для кого-то другого, а такое и только такое добро (хорошее), которое не может не быть добром (хорошим) для кого бы то ни было.

Тезис Б: *предмет теории естественного права – необходимый закон природы, то есть алетическая необходимость бытия*.

В тезисе Б оценочные юридические категории «добро» и «зло» не встречаются вообще. Ключевым естественно-правовым понятием в этом тезисе является «необходимость». (Выше в данной статье именно такая трактовка юридического натурализма представлена цитатами из (Дигесты Юстиниана 1984: 34) и (Цицерон 1966: 33).)

Тезисы А и Б с различной частотой появляются в работах всех видных сторонников аксиологической теории естественного права. При этом одни уделяют основное внимание тезису А, другие – тезису Б, а третьи так или иначе указанные тезисы перемешивают, «перепрыгивая» от одного к другому и обратно. Но как в таком случае добиться единства (гомогенности) и логической непротиворечивости естественного права как системы? Даже если непрерывно перемешивать *разнородные* компоненты, гомогенности такой смеси не получить. Для достижения непротиворечивого единства сложной системы необходимо наличие в ней некоего *фундаментального системообразующего фактора* (глубинного основания), обеспечивающего ее *нетривиальную гомогенность*. Проблема объективного существования подобного основания – чрезвычайно актуальная проблема теории естественного права. Именно эта проблема обсуждается в данном разделе.

Если перевести формулировку указанной проблемы с естественного языка Дигест Юстиниана на искусственный язык современной алетической модальной логики и модальной логики оценок, то получится следующая пара тезисов.

Тезис А*: *предмет теории естественного права – предмет суждений, имеющих форму □Gr.*

Тезис Б*: *предмет теории естественного права – предмет суждений, имеющих форму □p.*

В этих формулировках тезисов А и Б на искусственном языке модальной логики символ □ обозначает алетическую *необходимость*, символ Gr – положительную (морально-правовую) оценку «хорошо, что p», а символ p – некое истинное или ложное высказывание.

Если допустить, что предмет теории юридического натурализма – естественное право – объективно существует и представляет собой нечто

¹ Если какого-то из этих двух тезисов в какой-то дефиниции предмета доктрины естественного права нет, то эта дефиниция неполна, односторонняя.

единое, непротиворечивое, однородное, то естественно предположить, что тезисы А и Б *эквивалентны*. Развивая эту смелую гипотезу дальше, можно предположить, что фундаментальным системообразующим фактором (глубинным основанием), обеспечивающим нетривиальную гомогенность предмета теории естественного права, является эквивалентность ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$), обуславливающая эквивалентность тезисов А* и Б*. (В формуле ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) символ \leftrightarrow обозначает бинарную логическую операцию «эквивалентность».) В случае принятия такого предположения предмет теории естественного права оказывается действительно однородным, единым, целостным: вышеупомянутое логическое противоречие-проблема разрешается.

Но согласятся ли юридические позитивисты и приверженцы чистого нормативизма, отвергающие использование любых *оценочных* понятий в теории права, принять в качестве логико-философского принципа эквивалентность ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$)? По нашему мнению, нет: не согласятся, если не применить какое-то качественно новое средство убеждения (значительно более эффективное по сравнению с общеизвестными средствами), говоря языком психологов, «разрывающее шаблон». На наш взгляд, для успешного «разрыва шаблона» средствами систематического анализа юридического языка необходимо резко повысить уровень точности формулировок и строгости доказательств. Для этого целесообразно применить гипотетико-дедуктивный метод и искусственный язык, переведя дискуссию с обыденного уровня на уровень точных суждений и строгих рассуждений в рамках некой формально определенной аксиоматической системы. По нашему мнению, в обсуждаемом конкретном отношении роль такой системы может играть аксиоматическая система философской эпистемологии (Лобовиков 2016). Мы не будем здесь заниматься строгой формулировкой упомянутой аксиоматики¹, чтобы не перегружать статью чрезмерным использованием символов искусственного языка, а только приведем построенный в указанной аксиоматической системе эпистемологии строгий формальный вывод эквивалентности ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) из допущения априорности знания², что **p**. Данный формальный дедуктивный вывод представляет собой конечную последовательность «шагов», в которой каждый «шаг» сопровождается точным указанием того логического правила, на основании которого этот «шаг» сделан:

¹Заметим только, что в этой аксиоматике формулы вида ($\Box p \supset p$) и ($Kp \supset p$) не являются теоремами: вместо них теоремами выступают соответственно ($Ap \supset (\Box p \supset p)$) и ($Ap \supset (Kp \supset p)$). И «правило Гёделя» в формулировке этой аксиоматики отсутствует, поэтому используемая в ней модальная логика не оказывается нормальной в том значении термина «нормальная», которое общепринято в модальной логике.

²В данной работе эпистемическая модальность «субъект *a priori* знает, что **p**» обозначается символом **Ap**. Точное определение модальности **Ap** дается вышеупомянутой аксиоматической системой, содержащей 10 собственных аксиом эпистемологии (Лобовиков 2016). В настоящей статье для построения формального вывода формулы ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) из допущения **Ap** использована только одна аксиома, а именно **AX-1**.

1. $\text{Ap} \leftrightarrow (\text{Kp} \& (\neg \text{Sp} \& \square \text{p} \& \square (\text{p} \leftrightarrow \square \text{p}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Tp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Dp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Mp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Op}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}))$): аксиома AX-1.
2. **Ap**: допущение.
3. $\text{Ap} \supset (\text{Kp} \& (\neg \text{Sp} \& \square \text{p} \& \square (\text{p} \leftrightarrow \square \text{p}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Tp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Dp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Mp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Op}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}))$): из 1 по правилу удаления \leftrightarrow .
4. $(\text{Kp} \& (\neg \text{Sp} \& \square \text{p} \& \square (\text{p} \leftrightarrow \square \text{p}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Tp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Dp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Mp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Op}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}))$): из 2 и 3 по правилу *modus ponens*.
5. $\square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp})$: из 4 по правилу удаления $\&$.
6. $(\square (\lambda \leftrightarrow \beta) \supset (\square \lambda \leftrightarrow \square \beta))$: схема теорем алетической модальной логики (Фейс 1974, 48).
7. $(\square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}) \supset (\square \text{p} \leftrightarrow \square \text{Gp}))$: из 6 с помощью подстановки: **p** вместо λ ; **Gp** вместо β .
8. $(\square \text{p} \leftrightarrow \square \text{Gp})$: из 5 и 7 по правилу *modus ponens*.

Что и требовалось доказать! Посредством формального вывода 1-8 об-суждаемый принцип $(\square \text{p} \leftrightarrow \square \text{Gp})$ логически дедуцирован (в рамках указан-ной аксиоматической системы) из допущения *априорности* знания, что **p**.

За необходимыми для понимания факультативных деталей приведенно-го выше формального вывода более полными и точными сведениями о значе-ниях символов использованного искусственного языка, а также о строгих де-финициях всех используемых в выводе понятий, интересующийся деталями читатель может обратиться к указанной литературе (Лобовиков 2016).

Основной вывод этой статьи: вопреки тому факту, что общая теория древнеримского права имеет сложный синтетический характер, создавалась многими юристами, жившими в разное время, она является логически со-гласованной системой. Адекватной графической моделью этой согласован-ности являются впервые предложенные в данной статье логический квадрат и гексагон концептуальной оппозиции основных подсистем древнеримского права как логически гармоничной системы. Второй отличающийся научной новизной важный вывод настоящей статьи – нетривиальное утверждение о гомогенности предмета античной (греко-римской) теории естественного права (с точностью до логической эквивалентности соответствующих каче-ственно различных ее компонентов), дедуктивно выводимое в аксиоматиче-ской системе эпистемологии из допущения априорности знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аквинский Ф. 2012. Сумма теологии. Т. 4. Первая часть Второй части. Вопросы 68-114. М. : Либроком. 688 с.
- Альчуррон К., Булыгин Е. 2013. Нормативные системы // «Нормативные систе-мы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 380 с.
- Аристотель. 1983. Этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль. Т. 4. С. 295-374.
- Бентам И. 1998. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 416 с.
- Ваттель Э. де. 1960. Право народов, или Принципы естественного права, при-мененные к поведению и делам наций и суверенов. М. : Госюриздат. 719 с.

Гроций Г. 1956. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М. : Госюриздат. 868 с.

Дворецкий И.Х. 2006. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз. 843 с.

Дигесты Юстиниана. 1984. Избранные фрагменты / пер. И.С. Перетерского. М. : Наука. 456 с.

Дидикин А.Б. 2014. Аналитические концепции естественного права в современном правовом натурализме // Вестн. Новосиб. ун-та. Сер.: Философия. Т. 12, № 1. С. 64-70.

Дидикин А.Б. 2016. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 244 с.

Дидикин А.Б., Оглезнев В.В. 2012. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та. 200 с.

Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. СПб. : Алет-Пресс. 542 с.

Лобовиков В.О. 2016. Аксиоматизация философской эпистемологии // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. Т. 36, № 4. С. 69-78. Doi: 10.17223/1998863X/36/7

Оглезнев В.В., Суровцев В.А. 2016. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 232 с.

Платон. 2016. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА. 1311 с.

Фейс Р. 1974. Модальная логика. М. : Наука. 520 с.

Финнис Дж. 2012. Естественное право и естественные права. М. : ИРИСЭН : Мысль. 554 с.

Фуллер Л.Л. 2007. Мораль права. М. : ИРИСЭН. 308 с.

Харт Г.Л.А. 2007. Понятие права. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 302 с.

Харт Г.Л.А. 2017. Философия и язык права. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация». 384 с.

Цицерон. 1966. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука. 224 с.

Aquinas T. 1928. The Summa contra Gentiles. The Third Book: Providence. Part II. Chapters LXXXIV–CLXIII / literally Translated by the English Dominican Fathers from the Latest Leonine Edition. London : Burns Oates & Washbourne Ltd. 218 p.

Aquinas T. 1994. The Summa Theologica. Vol. 2. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid : Encyclopaedia Britannica, Inc. 1085 p. (Great Books of the Western World / ed. Mortimer J. Adler ; vol. 18).

Austin J. 1995. The Province of Jurisprudence Determined. Cambridge : The Univ. Press. 298 p.

Béziau J.-Y., Payette G. (eds.) 2012. The Square of Opposition – A General Framework for Cognition. Bern : Peter Lang. 503 p.

Béziau J.-Y., Read S. 2014. Square of opposition: a diagram and a theory in historical perspective. Preface of a Special Issue on the Square of Opposition // History and Philosophy of Logic. Vol. 35, № 4. P. 315-316.

Béziau J.-Y. 2003. New light on the square of opposition and its nameless corner // Logical Investigations. Vol. 10. P. 218-232.

Béziau J.-Y. 2012a. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition / J.-Y. Béziau, D. Jacquette (eds.). Basel : Birkhäuser. P. 3-19.

Béziau J.-Y. 2012b. The Power of the Haxagon // Logica Universalis. Vol. 6, № 1/2. P. 1-43.

Black H.C. 1990. Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. St. Paul, MN. : West Publ. Co. 1657 p.

Blanché R. 1957. Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires // J. of Symbolic Logic. Vol. 22, № 1. P. 17-18.

Blanché R. 1966. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. Paris : Vrin. 151 p.

Connor D.J.O' 1967. Aquinas and Natural Law. New York : The Macmillan Co. 324 p.

Entreves A.P. d' 1951. Natural Law: An Historical Survey. New York : The Macmillan Co. 658 p.

Finnis J.M. (ed.) 1991. Natural Law (a collection of papers) / ed. J.M. Finnis. Oxford : Clarendon Press. 843 p.

Kalinowski, G. 1972. La Logique des normes. Paris : Presses Universitaires de France. 218 p.

Kelsen H. 1945. General Theory of Law and State. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 516 p.

Kelsen H. 1959. On the Basic Norm // California Law Review. Vol. 47, № 1. P. 107-110.

Kelsen H. 1974. Essays in Legal and Moral Philosophy. Dordrecht, Boston : D. Reidel. 300 p.

Kelsen H. 1991. General Theory of Norms. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. 465 p.

Kelsen H. 1992. Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. 171 p.

Lobovikov V. 2014. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues / ed. K. Bronk. Oxford, United Kingdom : Inter-Disciplinary Press. P. 17-41.

Lobovikov V. 2015a. «Fear», «Horror» and «Terror» : Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics // Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror / eds. L. Colmenero-Chilberg and F. Mújdricza. Oxford, United Kingdom : Inter-Disciplinary Press. P. 193-203.

Lobovikov V. 2015b. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word «Is» in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics) // Philosophy Study. Vol. 5, № 7. P. 327-341. Doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

Lobovikov V. 2016. Square and Hexagon of Opposition of «A-Priori Knowledge» and «Empirical One» (Eliminating an Impression of Logic Contradiction between Leibniz' and Gödel's Statements) // Handbook of Abstracts of 5th World Congress on the Square of Opposition (November 11-15, 2016, Easter Island – Rapa Nui) / eds. J.-Y. Beziau, A. Buchsbaum and M. Correia. Santiago, Chile : Pontifical Catholic Univ. P. 33-34.

Moretti A. 2009. The Geometry of Logical Opposition : PhD Thesis in logic, presented to the Faculty of Humanities / Institute of Philosophy, University of Neuchâtel, Switzerland, for obtaining the title of Philosophy Doctor. Neuchâtel. 436 p.

Moretti A. 2012. Why the Logical Hexagon? // Logica Universalis. Vol. 6, № 1/2. P. 69-107.

Sesmat A. 1950-1951. Logique. En 2 volumen. Les raisonnements, la logistique. Paris : Hermann.

V. Lobovikov. Problema gomogennosti antichnoy grecheskoy i rimskoy filosofii: Digesty Yustiniana i geksgon Blanshe [Problem of homogeneity of Ancient Greek and Roman Philosophy of Law: Iustiniani "Digesta" and Blanché Hexagon], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 24–42. (in Russ.).

Vladimir O. Lobovikov, Doctor of Philosophy, Full Professor, Principal Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: vlobovikov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8760-0452

Article received 05.05.2017, accepted 21.06.2017, available online 01.04.2018

PROBLEM OF HOMOGENEITY OF ANCIENT GREEK AND ROMAN PHILOSOPHY OF LAW: IUSTINIANI “DIGESTA” AND BLANCHÉ HEXAGON

Abstract. The subject-matter of this paper is a knotty problem of homogeneity of Ancient Greek and Roman jurisprudence as a system. The opinion that the so-called system in question is a non-homogeneous miscellany made up by qualitatively different aspects created in different times by different philosophers and lawyers is very strong and popular. Very often it is considered that in the so-called Roman Law System there is a conceptual opposition (formal logic inconsistency) among the three basic forms of law, namely, the custom-law, the nature-law, and the human-made-law. The present article is targeted at elaborating quite an opposite opinion that, in its essence, Ancient Greek and Roman Law Philosophy is a homogeneous (consistent) system. For demonstrating such an unusual viewpoint the author applies methods of the analytical philosophy of law. Also the symbolic logic methods are utilized and graphic modeling of logic interconnections of concepts is used.

By means of these methods for the first time in world scientific literature on Ancient Philosophy of Law the logic interrelations among the above-mentioned three different meanings of the word “law” are graphically modeled by the logic square-and-hexagon estimated by Blanché as a universal scheme for conceptual knowledge organization. The well-known Kalinowski logic square-and-hexagon for graphic modeling the logic interconnections among the deontic modalities “obligatory”, “forbidden”, “permitted”, “indifferent” is complemented in this paper by a significantly new jurisprudential interpretation of Blanché logic square-and-hexagon scheme. The new scientific result of this paper is original organization of logic interconnections among the nonstandard jurisprudential modalities represented by the following sentences: “It is the nature-law that p”; “It is the custom-law that p”; “It is the human-made-law that p”, where p stands for a proposition describing some state of affairs. It is demonstrated that the relation between “It is the nature-law that p” and “It is the custom-law that p” is the relation of logic contrariety. The article demonstrates that in the submitted quite a new jurisprudential interpretation of the logic square-and-hexagon scheme all the relevant logic rules are valid.

Keywords: Roman-law; Iustiniani-“Digesta”; Ulpian; nature-law; custom-law; positive-law; Blanché-hexagon.

References

Alchourron C., Bulygin E. *Normativnye sistemy* [Normative systems], E.N. Lisanyuk (ed.), «Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm, St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2013, 380 p. (in Russ.).

Aristotle. *Etika* [Ethics], *Aristotel', Sochineniya, in 4 vol.*, Moscow, Mysl', 1983, vol. 4, pp. 295-374. (in Russ.).

Aquinas T. *Summa teologii. T. 4. Pervaya chast' Vtoroy chasty. Voprosy 68-114* [The Summa Theologica. Vol. IV: First part of the Second part. Questions 68-114], Moscow, Librokom, 2012, 688 p. (in Russ.).

Aquinas T. *The Summa contra Gentiles. The Third Book: Providence. Part II. Chapters LXXXIV–CLXIII. (Literally Translated by the English Dominican Fathers from the Latest Leonine Edition)*, London, Burns Oates & Washbourne Ltd., 1928, 218 p.

Aquinas T. St. *The Summa Theologica. Vol. 2, Mortimer J. Adler (ed.), Great Books of the Western World. Vol. 18. Aquinas: II*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994, 1085 p.

Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*, Cambridge, The Univ. Press, 1995, 298 p.

Bentham J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow, ROSSPEN, 1998, 416 p. (in Russ.).

Béziau J.-Y. New light on the square of opposition and its nameless corner, *Logical Investigations*, 2003, vol. 10, pp. 218-232.

Béziau J.-Y. The New Rising of the Square of Opposition, *J.-Y. Béziau, D. Jacquette (eds.), Around and Beyond the Square of Opposition*, Basel, Birkhäuser, 2012, pp. 3-19.

Béziau J.-Y. "The Power of the Hexagon", *Logica Universalis*, 2012, vol. 6, no. 1/2, pp. 1-43.

Béziau J.-Y., Payette G. (eds.) *The Square of Opposition – A General Framework for Cognition*, Bern, Peter Lang, 2012, 503 p.

Béziau J.-Y., Read S. Square of opposition: a diagram and a theory in historical perspective. Preface of a Special Issue on the Square of Opposition, *History and Philosophy of Logic*, 2014, vol. 35, no. 4, pp. 315-316.

Black H.C. *Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern*, St. Paul, MN., West Publ. Co., 1990, 1657 p.

Blanché R. *Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires* [On the structure of the table of binary inter-propositional connectives], *J. of Symbolic Logic*, 1957, vol. 22, no. 1, pp. 17-18. (In French).

Blanché R. *Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts* [Intellectual structures Essay on systematical organization of concepts], Paris, Vrin, 1966, 151 p. (In French).

Cicero. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues. On State. On Laws], Moscow, Nauka, 1966, 224 p. (in Russ.).

Connor D.J. *O' Aquinas and Natural Law*, New York, Macmillan Co., 1967, 324 p.

Digesty Iustiniana. Izbrannye fragmenty [Iustiniani Digesta: Selected fragments], Moscow, Nauka, 1984, 456 p. (in Russ.).

Didikin A.B. *Analiticheskie kontseptsii estestvennogo prava v sovremennom pravovom naturalizme* [Analytical conceptions of natural law in the modern legal naturalism], *Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 64-70. (in Russ.).

Didikin A.B. *Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura* [Analytical legal philosophy: the origins, genesis and structure], Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 2016, 244 p. (in Russ.).

Didikin A.B., Ogleznev V.V. *Ontologiya i epistemologiya prava: analiticheskaya traditsiya* [The ontology and epistemology of law: analytical tradition], Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo gos. universiteta, 2012, 200 p. (in Russ.).

Dvoretzkiy I.Kh. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary], Moscow, Rus. yaz., 2006, 843 p. (in Russ.).

Entreves A.P. *d' Natural Law: An Historical Survey*, New York, Macmillan Co., 1951, 658 p.

Finnis J.M. (ed.) *Natural Law (a collection of papers)*, Oxford, Clarendon Press, 1991, 843 p.

Feys R. *Modal'naya logika* [Modal logic], Moscow, Nauka, 1974, 520 p. (in Russ.).

Finnis J. *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights], Moscow, IRISEN, Mysl', 2012, 554 p. (in Russ.).

Fuller L.L. *Moral' prava* [The Morality of Law], Moscow, IRISEN, 2007, 308 p. (in Russ.).

Hart H.L.A. *Ponyatie prava* [The Concept of Law], St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2007, 302 p. (in Russ.).

Hart H.L.A. *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Language of Law], Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2017, 384 p. (in Russ.).

Grotius H. *O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob»yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava* [On the Rights of War and Peace, in Three Books. Wherein are Explained, The Law of Nature and Nations, and The Principal Points relating to Government], Moscow, Gosyurizdat, 1956, 868 p. (in Russ.).

Kalinowski G. *La Logique des norms* [Logic of norms], Paris, Presses Universitaires de France, 1972, 218 p. (In French).

Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law], St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Kelsen H. *General Theory of Law and State*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1945, 516 p.

Kelsen H. On the Basic Norm, *California Law Review*, 1959, vol. 47, no. 1, pp. 107-110.

Kelsen H. *Essays in Legal and Moral Philosophy*, Dordrecht, Boston, Reidel, 1974, 300 p.

Kelsen H. *General Theory of Norms*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 1991, 465 p.

Kelsen H. *Introduction to the Problems of Legal Theory*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 1992, 171 p.

Lobovikov V.O. *Aksiomatizatsiya filosofskoy epistemologii* [An Axiomatization of Philosophical Epistemology], *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filosofiya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2016, vol. 36, no. 4, pp. 69-78. Doi: 10.17223/1998863X/36/7 (in Russ.).

Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics, *Katarzyna Bronk (ed.)*, *Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues*, Oxford, United Kingdom, Inter-Disciplinary Press, 2014, pp. 17-41.

Lobovikov V. "Fear", "Horror" and "Terror": Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics, *Laura Colmenero-Chilberg and Ferenc Mújdricza (eds.)*, *Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror*, Oxford, U.K., Inter-Disciplinary Press, 2015, pp. 193-203.

Lobovikov V. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word "Is" in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics), *Philosophy Study*, 2015, vol. 5, no. 7, pp. 327-341. Doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

Lobovikov V. Square and Hexagon of Opposition of "A-Priori Knowledge" and "Empirical One" (Eliminating an Impression of Logic Contradiction between Leibniz' and Gödel's Statements), *Jean-Yves Beziau, Arthur Buchsbaum and Manuel Correia (eds.)*, *Handbook of Abstracts of 5th World Congress on the Square of Opposition (November 11-15, 2016, Easter Island – Rapa Nui)*, Santiago, Chile, Pontifical Catholic University, Chile, 2016, pp. 33-34.

Moretti A. *The Geometry of Logical Opposition : PhD Thesis in logic*, presented to the Faculty of Humanities, Institute of Philosophy, University of Neuchâtel, Switzerland, for obtaining the title of Philosophy Doctor, 2009, 436 p.

Moretti A. Why the Logical Hexagon?, *Logica Universalis*, 2012, vol. 6, no. 1/2, pp. 69-107.

Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, legal language and philosophy of law], Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, 2016, 232 p. (in Russ.).

Plato. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* [Complete collection of works in one volume], Moscow, AL'FA-KNIGA, 2016, 1311 p. (in Russ.).

Sesmat A. *Logique. En 2 volumen. Les raisonnements, la logistique* [Logic. In 2 volumes. Reasoning, the logistics], Paris, Hermann, 1950-1951. (In French).

Vattel E. de. *Pravo narodov, ili Printsipy estestvennogo prava, primenennye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [The Law of Nations or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and to the Affairs of Nations and of Sovereigns], Moscow, Gosyurizdat, 1960, 719 p. (in Russ.).